

Юри Сугино
(Япония)

Произведения Пушкина по мотивам кавказского путешествия 1829 г. и «Медный всадник»: опыт сопоставления¹

<https://doi.org/10.62119/sjn.26.2025.9549>

1. Введение: «Медный всадник» и произведения, связанные с путешествием Пушкина на Кавказ в 1829 г.

Поэм «Медный всадник», написанная болдинской осенью 1833 г., – это пушкинский шедевр, в котором на основе исторических фактов XVIII-XIX вв. и фактов биографии самого Пушкина выстроен грандиозный, многослойный и многоплановый мир. Исследуя латентную авторскую ассоциацию бунта и эпидемии с образом зверя в текстах, написанных Пушкиным после поездки на Кавказ в 1829 г., мы видим, что в сцене наводнения, наделенного чертами чудовищного зверя, скрыто присутствуют исторические факты крестьянских восстаний и мятежей XVIII-го и XIX-го вв.² Кроме того, в жизни и судьбе Евгения есть автобиографические элементы. Если учесть существование такой многослойной структуры в поэме, становится очевидным наличие множества общих моментов и точек соприкосновения в структуре, мотивах и деталях «Медного всадника» с русскими и европейскими классическими произведениями.

Как мы отмечали в наших предыдущих работах, в поэме мастерски переплетены в сложную сеть детали, мотивы, и эпизоды из Библии и из «Божественной Комедии» (далее – «Комедия»), а также элементы и реминисценции разнообразных литературных произведений России и Европы. В поэме Пушкин представляет целостную картину мира, ориентируясь на модель мироздания, представленную в Библии и «Комедии». В подтекст поэмы, на наш взгляд, входят та-

¹ В основе данной работы лежат наши доклады прежних лет: доклад под заглавием «Дантовские реминисценции в стихотворениях из «кавказского цикла» А. С. Пушкина», прочитанный он-лайн 15-го сентября на I Международных научных болдинских чтениях (12-16 сент. 2022 г., Нижний Новгород), и доклад под заглавием «1829нэн-но Пусикин-но Кокасасу рёко-ни кансуру сакухин-ни цуитэ – «Сэйдэ-но киси» кэнкю-но ситэн кара», прочитанный 4-го ноября на научном годовом заседании «the Japanese Association for Russian and East European Studies» (4-5 Nov., 2023 in Kyoto Univ.).

² Сугино Ю. «О наводнении в поэме «Медный всадник»». JSEES (Japanese Slavic and East European Studies) 11 (1990): 59-78. (Sugino, Yuri. «On the Flood in «The Bronze Horseman»»); «К вопросу о соотношении образов Медного Всадника и Николая I». JSEES 12 (1991): 61-79. («On the Relation of the Bronze Horseman to Nicolas I»).

кие важные явления российской литературы XVIII-го в., как исторические труды Н.М. Карамзина, стихотворения Г. Р. Державина, включая оду «Водопад», произведения А. Н. Радищева, а также произведения современников Пушкина, в частности поэзия декабристов.

На наш взгляд, путешествие А. С. Пушкина на Кавказ, состоявшееся с июня по сентябрь 1829 г., можно считать подготовительным этапом к написанию «Медного всадника», потому что в некоторых «кавказских» стихотворениях и в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» (далее – «Путешествие в Арзрум»)¹, написанных по мотивам поездки, тоже остались следы, указывающие на внутренние связи поэмы с Библией, «Комедией», «Водопадом», и декабристской поэзией. Известно, что на Кавказе поэт встречается и общается с декабристами, сосланными в эти края. Путешествие на Кавказ – это подготовка к созданию произведения на тему мятежников, в том числе друзей-декабристов.

В настоящей статье мы ставим задачей проанализировать некоторые стихотворения из кавказского цикла и пассажи из «Путешествия в Арзрум» (1835) и выявить в них исходные признаки, которые позже в «Медном всаднике» развиваются в элементы, мотивы и эпизоды, связанные с Библией, «Комедией», декабристской поэзией и «Водопадом». С этой точки зрения мы рассмотрим стихотворения «Кавказ», «Монастырь на Казбеке», «И вот ущелье мрачных скал...», «Страшно и скучно» и «Обвал», написанные в 1829-1830 гг. Вместе с этим мы обратимся к соответствующим пассажирам из «Путешествия в Арзрум», которые служат своего рода пояснением и творческим фоном для кавказских стихотворений.

2. «Божественная Комедия» Данте, Библия и путешествие Пушкина на Кавказ в 1829 г.

В пушкинских стихах, написанных по впечатлениям от путешествия на Кавказ, местами усматриваются мотивы и представления, сформировавшиеся под влиянием «Комедии». Пушкин взял с собой «Божественную Комедию» в оригинале и читал ее во время путешествия, что можно понять из его стихотворения

¹ В феврале 1830 г. в «Литературной газете» Пушкин опубликовал очерк «Военная Грузинская дорога (извлечено из путевых записок А. Пушкина)». Потом поэт переработал данный очерк с новыми вставками в первую главу и дополнил травелог еще четырьмя главами, а в 1835 г. издал под названием: «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года».

«Зорю быют... из рук моих / Ветхий Данте выпадает» (III-1, 170)¹. Б. Гаспаров отмечает, что после поездки на Кавказ у Пушкина связь с Данте актуализируется (Гаспаров 1983: 341). Действительно, горы, возвышающиеся в безбрежном небесном пространстве, быстрые реки, текущие по дну долин, холмы и равнины между горами, и своевольно живущие животные среди природного простора – разнообразие грандиозного ландшафта Кавказа стало для Пушкина источником вдохновения для написания будущего произведения, в котором поэт собирался создать целостную картину мира. Величавая кавказская природа помогает поэту вообразить большой пространственно-временной континуум и постичь самую суть мироустройства, представленного у Данте. Вместе с тем, поездка на Кавказ, описанная Пушкиным с включением многих библейских и древнегреческих преданий², служит стимулом к активизации творческого воображения, связанного с будущим произведением, в подтексте которого окажется не только «Комедия», но и библейские сказания и различные произведения классической литературы.

Чтобы была лучше понятна наша последующая аргументация, прежде всего остановимся на вопросе о художественной структуре поэтического мира «Медного всадника», где сочетаются главная сюжетная линия «Комедии» с мотивами библейских книг.

В поэме мы наблюдаем структуру замкнутого круга, а именно: вступительная сцена повторяется в финальной сцене. Так как Д. Д. Благой называет финальную сцену «эпилогом» (Благой 1955: 204), мы будем называть вступительную сцену «прологом». Пролог перекликается с эпилогом по аналогичности пустынного пейзажа. Гаспаров отмечает, что пролог с пустынным пейзажем и бескрайним пространством напоминает начало сотворения мира из «Книги Бытия» (Гаспаров 1999: 292). К тому же, на наш взгляд, темный лес, «неведомый лучам / В тумане спрятанного солнца» (V, 135), описанный в прологе, перекликается с образом мрачного леса из первой песни «Ада» в «Комедии», где Данте теряет свой путь. Средняя часть, обрамленная прологом и эпилогом, и содержащая описание свирепого наводнения и разнообразных катаклизмов, является многослойным миром, в основе которого лежит историческая действительность XVIII-го и XIX-го вв. Реальная действительность кровавых исторических со-

¹ Тексты Пушкина цитируются по Большому академическому изданию: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. М.: Л., Изд. АН СССР, 1937-1959. Римской цифрой обозначается том, арабской – страница.

² См.: *Листов В. С.* «Библейские мотивы в «Путешествии в Арзрум» // Пушкин и его современники. Вып. 1 (40). СПб: Академический проект, 1999. С. 41-68.

бытий внутри поэмы формирует настоящий мир ада. Притом образ наводнения также вызывает библейскую реминисценцию всемирного потопа из «Книги Бытия» и напоминает апокалипсический катаклизм из «Откровения святого Иоанна Богослова» (Сугино 2004: 328-330). Евгений скитается по Петербургу, ставшему «Адом», совершенно один, без такого надежного спутника, как Вергилий. Образ его невесты Параши представляется таким же эфемерным, как и небесная Беатриче. После одиноких скитаний, герой сталкивается с «Медным всадником», который отождествляется с Люцифером. В конце поэмы пролог возвращается к эпилогу. Пейзаж, описанный в эпилоге, чуть светлее, чем в прологе, здесь царят спокойствие и мир, и изображена лодка на причале, что в латинской поэзии было метафорой завершения творческой задачи. В эпилоге слова «воскресенье» и «весна» создают более теплую и светлую атмосферу по сравнению с темным лесом, описанным в прологе как место, куда не проникают солнечные лучи. Эпилог дает отдаленный намек на воскресение Христа. Напомним, что Данте попадает к подножью Горы Чистилища на рассвете пасхального воскресенья, когда Солнце – символ Бога – уже встало. Если толковать эпилог по сюжетной линии «Комедии», «малый остров» отождествляется с подножием Горы Чистилища или Земным Рае. Евгений погиб на пороге разрушенного дома, в котором угадывается дом его Параши. Неизвестно, попадает ли в конце концов в Рай герой поэмы, ведомый своей погибшей невестой. Как ответить на данный вопрос – это выбор читателя. Таким образом, в «Медном всаднике» Пушкин воспроизводит, хотя и с некоторыми изменениями, главную сюжетную линию «Комедии» (Сугино 2016: 93-99).

3. Дантовские и державинские реминисценции в стихотворении «Кавказ»

Обратимся к стихотворению «Кавказ», в котором усматриваются отзвуки декабристской поэзии, и характерные мотивы и черты, присущие «Комедии», а также реминисценции оды Державина «Водопад». Процитируем четыре станса из окончательного варианта «Кавказа», и черновой пятой станс, из него исключенный:

“Кавказ подо мною. Один в вышине / Стою над снегами у края стремнины; / Орел, с отдаленной поднявшись вершины, / Парит неподвижно со мной наравне./ Отселе я вижу потоков рожденье / И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной; / Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады; / Под ними утесов нагие громады; / Там ниже мох тощий, кустарник сухой; / А там уже рощи, зеленые сени, / Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах, / И ползают овцы по злачным стрем-
нинам, / И пастырь нисходит к веселым долинам, / Где мчится Арагва в тенис-
тых берегах, / И нищий наездник таится в ущельи, / Где Терек играет в свирепом
весельи;

Играет и воет, как зверь молодой, / Завидевший пищу из клетки железной;
/ И бьется о берег в вражде бесполезной / И лижет утесы голодной волной... / Вот-
ще! нет ни пищи ему, ни отрады: / Теснят его грозно немые громады” (III-1, 196).

“Так буйную вольность законы теснят / Так дикое племя под властью тос-
кует / Так ныне безмолвный Кавказ негодует / Так чуждые силы его тяготят...”
(III-2, 792)

Нельзя выпускать из виду, что в стихотворении «Кавказ» среди всех пуш-
кинских стихотворений впервые появляется ассоциативная связь образа «зверя»
с образами бунтовщика и бурного потока водной стихии, и к тому же, сочетание
трех образов «зверя», бунтовщика и бурного потока водной стихии, противопос-
тавлено неподвижным громадным скалам¹. Из пятого станса понятно, что сви-
репый поток-зверь олицетворяет горцев Кавказа, столкнувшихся с российским
правлением. Мотив сопоставления камня и воды восходит к стихотворению
Пушкина «Мордвинову» (1826), которое имеет еще текстовые переключки с одой К.
Ф. Рылеева «Гражданское мужество» (1823)². В «Кавказе» можно видеть внутрен-
нюю идейную связь с декабристской поэзией. Кроме того, изображая пейзаж из
камней и воды, поэт воспроизводит сцены из «Комедии», где Данте, спускаясь
по кругам «Ада», проходит между водным потоком и скалами.

А. Чичерин отмечает, что строка «Кавказ подо мною» – начало стихотво-
рения – удивительно само по себе, оно точно определяет авторскую точку зре-
ния на видимый ему пейзаж, которая становится и отправной точкой стихотво-
рения³. Перед нами в нисходящем порядке, открывается объемный пейзаж: сверху
вниз, слой за слоем, раскрывается грандиозная панорама, в которой изображены
парящий орел, начало обвала, водопады, скалы, растения, птицы и животные,
человек, ущелье и реки.

¹ SUGINO, Yuri. “On the Representation of the Terek River in Russian and Georgian Literary Works of the 19th Century”. *Contemporary Issues of Literary Criticism*. Vol. 17 (2024): 162-166. *Literatures of Small Countries and Challenges of the Modern Global World*.

² Цявловская Т. Т. «Отклики на судьбы декабристов в творчестве Пушкина» // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 213; Иезуитова Р. В. «К истории декабристских замыслов Пушкина 1826-1827 гг.» // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 88-114.

³ Чичерин А. О стиле пушкинской лирики // В мире Пушкина. Сборник статей. М.: «Сов. писатель», 1974. С. 314-317.

В вышеприведенной картине мы можем видеть черты, характерные для художественного мира «Комедии», и структурные переключки – с ней, по крайней мере, в двух следующих отношениях:

Во-первых, в этом стихотворении представлена иерархия живых существ, где орел оказывается на самом верху, а в самом низком месте – бурный поток, метафорически уподобленный дикому зверю. Такая иерархия напоминает нам о многослойном строении «Комедии» от самых низких и мрачных кругов «Ада» до божественных райских небес. В «Комедии» образ орла используется как символ божественной птицы: он предстает как божественный посланник, летающий где-то неподалеку от солнца, а также воплощает образ такого великого поэта, как Гомер¹. В первой строфе из «Кавказа», вершину горы, где поэт стоит наравне с парящим орлом, можно истолковать как самое верхнее пространство, ближайшее к Богу в райских небесах. В сопоставлении со светлым открытым пространством Рая, низкое темное ущелье, описанное в четвертой и пятой строфах из «Кавказа», ассоциируется с ужасным адским миром, где бушует ненависть и вражда, яростная битва противоположных стихийных сил грозных скал и бурной воды. Притом бурный поток представлен метафорой зверя. Припомним, что в «Аде» «Комедии» фигурирует много безобразных звероподобных существ, и даже отъявленный злодей Ванни Фуччи, обитатель еще более глубоких уровней «Ада», открыто объявляет о себе: «Я был любитель / Жить по-скотски, а по-людски не мог» (Ад, 24, 123-124)². Таким образом, в стихотворении «Кавказ» иерархические отношения между высшим существом «орлом» и низшим существом «зверем» переключаются с многоуровневой структурой в «Комедии» (Сугино 2017: 195).

Пушкин, стремясь к величественной цельности мироздания в «Комедии», в своем стихотворении также пытается создать целостную картину мира, где наверху находится благородное божественное пространство, в самом низу существует адский мир, а между этими двумя мирами на этом свете разворачивается жизнь человека и животных.

Во-вторых, в первой строфе «Кавказа» описаны рождение потоков и начало снежного обвала, в чем мы видим аналогию с «Комедией», а также точки сходства с «Медным всадником» и «Водопадом». Следует отметить, что, как в

¹ В «Комедии» в 19-й песне «Рая» образ орла появляется перед Данте и сообщает ему христианское учение в качестве как божественного посланника, а в 4-й песне «Ада» Гомер метафорически сравнивается с образом орла.

² Здесь и далее цитаты из «Божественной комедии» Данте приводятся в тексте по изд.: *Данте А. Божественная комедия* / Пер. М. Лозинского. М.: Изд-во Эскимо, 2004 – с указанием песни и стиха.

«Комедии», так и в «Медном всаднике», основной сюжет с начала до конца связан с темой путешествия по воде: в прологе и эпилоге описаны рыбак и лодка. В латинской поэзии сотворение стиха оказывается тесно связано с водной стихией и метафорически сравнивается с морским путешествием, поэтому подступ к поэтическому сочинительству уподобляется началу мореплавания¹. Правда, в вводной песне «Ада» Данте сравнивает талант Вергилия с неиссякаемым родником и посвящает ему следующие слова: «Так ты, Вергилий, ты родник бездонный, откуда песни миру потекли?» (Ад. 1, 79-80). Если истолковать речь Данте в духе традиции латинской поэзии, упоминание о природной водной стихии указывает на то, что творческий процесс поэтической работы скоро начнется – подобно воде, вытекающей из родника. Таким образом, в описании рождения потоков водной стихии и начинающегося снежного обвала, описанных в стихотворении Пушкина, можно усмотреть внутреннюю связь не только с художественным замыслом «Комедии», но и с авторским замыслом «Медного всадника».

В связи с всем вышеуказанным, следует добавить, что в «Кавказе» описание движения потоков, снежного обвала, и шумящих водопадов, подспудно связано с одой Державина «Водопад», которая представляет собой один из важных подтекстов и в «Медном всаднике». Державинская тема прослеживается на протяжении всей поэмы: сначала строка «Невы державное течение» (V, 136) во вступлении к поэме, на наш взгляд, дает тонкий намек на тему Державина, в сцене самого разгара наводнения усматриваются интертекстуальные связи с державинскими стихотворениями, и в кульминационной сцене погони Медного всадника за Евгением имеются реминисценции стихотворений Державина, о чем мы будем говорить позже. Параллельно с этим величественным державинским течением разворачивается российская история XVIII и XIX вв, и в тему реки вливается течение всемирной истории, рассказанной в Библии и в дантовской «Комедии». Примечательно, что в «Путешествии в Арзрум» есть сцена, где рассказчик, наблюдая ревущий поток Терека, вспоминает Иматру и державинские стихи «Река на Севере гремеща» из «Водопада» (VIII-1, 450). Данная сцена показывает, что во время путешествия на Кавказ мысль о «Водопаде» непременно присутствовала в сознании Пушкина.

Как уже говорилось, во время поездки на Кавказ Пушкин особо интересуется водными потоками и водопадами, потому что собирается использовать разнообразную природную стихию воды как общий ключевой элемент, связывающий разнообразные подтексты в будущем произведении.

¹ Curtius, Ernst Robert. "European Literature and Latin Middle Ages". Translated from the German by Willard R. Trask. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2013: 128-129.

4. Сюжет Ноева ковчега и мироустройство «Ада» и «Рая» в стихотворении «Монастырь на Казбеке»

Обратимся к стихотворению «Монастырь на Казбеке», в котором совмещаются библейский сюжет Ноева ковчега и дантовское мироустройство «Ада» и «Рая». Процитируем «Монастырь на Казбеке»:

“Высоко над семью гор, / Казбек, твой царственный шатер / Сияет вечными лучами. / Твой монастырь за облаками, / Как в небе реющий ковчег, / Парит, чуть видный, над горами.

Далекий, вожденный брег! / Туда б, сказав прости ущелью, / Подняться к вольной вышине! / Туда б, в заоблачную келью, / В соседство бога скрыться мне!...” (III-1, 200).

В стихотворении «Монастырь на Казбеке» также возникает сочетание высоких и низких мест, как противопоставление «монастыря», находящегося на головокружительной высоте в горах, и темного «ущелья» внизу. Заоблачная вершина, на которой стоит монастырь, озаренными божьими лучами солнца, представляет собой самое священное место по соседству с Богом. В стихотворении сказано, что авторское «я», простясь с тесным земным «ущельем», хочет улететь в это небесное священное место и сокрыться там. «Реющий ковчег» указывает на сюжет Ноева ковчега из «Книги Бытия». В стихотворении в едином поэтическом образе «монастыря, озаренного солнечными лучами на вершине горы», слит двойой смысл: Ноев ковчег как символ чудесного спасения, и то место назначения, куда должен приплыть ковчег после того, как утихнет всемирный потоп.

Для лучшего понимания творческого фона стихотворения «Монастырь на Казбеке», мы процитируем два пассажа из «Путешествия в Арзрум»:

“На ясном небе белела снеговая, двуглавая гора. «Что за гора?» – спросил я потягиваясь, и услышал в ответ: «Это Арарат». Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к ее вершине с надеждой обновления и жизни – и врана и голубицу, излетающих, символы казни и примирения ...” (VIII-1, 463).

“Утром, проезжая мимо Казбека, увидел я чудное зрелище. Белые, оборванные тучи перетягивались через вершину горы и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавал в воздухе, несомый облаками” (VIII-1, 482).

В связи с вышеуказанными цитатами следует внести уточнение: в первой цитате высокая гора, которую Пушкин видел по пути в Арзрум в июне 1829 г. – на самом деле была не гора Арарат, а гора Алагеа. Во второй цитате грузинский

монастырь, который поэт видел, проезжая мимо Казбека, на обратном пути в Россию в августе, – это был Гергетский монастырь.

В сопоставлении с «монастырем, озаренным лучами солнца на вершине горы» «ущелье» рисуется как темное и узкое место, что показано в незаконченных стихотворных набросках. Приведем эти наброски: «И вот ущелье мрачных скал...» и «Страшно и скучно...».

“И вот ущелье мрачных скал / пред нами шире становится, / Но тише Терек злой стремится, / Луч солнца ярче засиял” (III-1, 202).

“Страшно и скучно, / Здесь новоселье, / Путь и ночлег, / Тесно и душно. В диком ущелье – / Тучи да снег. / Небо чуть видно, / Как из тюрьмы. / Ветер шумит. / Солнцу обидно” (III-1, 203).

Важно, что во втором наброске мрачное и дикое ущелье уподобляется «тюрьме», своего рода адскому миру, где заключены каторжники. Может быть, у поэта в сознании присутствует мысль о сосланных декабристах. Мы согласны с мнением И. Сурат о том, что вертикаль, образуемая двумя зонами – «вершины» и «ущелья» – объединяет все основные стихи кавказского цикла, а также важные стихотворные наброски¹.

Кроме того, образ мрачного ущелья напоминает пассаж из «Путешествия в Арзрум», в котором речь идет о Дарьярском ущелье и упоминается о полотне Рембрандта:

“Скалы с обеих сторон стоят параллельными стенами. Здесь так узко, так узко, пишет один путешественник, что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тесноту. Клочок неба, как лента, синее над вашей головою. Ручьи, падающие с горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напоминали мне похищение Ганимеда, странную картину Рембрандта” (VIII-1, 451).

Вышеприведенный пассаж – это пушкинский парафраз фрагмента из «Записок во время поездки на Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году», написанных Н. А. Нефедьевым (Долинин 2023: 72). Здесь подчеркиваются узость и теснота Дарьярского ущелья, с чем контрастирует вид яркого синего неба. В парафразе из Нефедьева Пушкин вспоминает похищение Ганимеда и картину Рембрандта и сам дополняет упоминание об них. Как отмечено М. Гринлиф, сюжет похищения Ганимеда связан с эпизодом из девятой песни «Чистилища», где орел вознесет Данте воротам «Чистилища»². Сближение Данте

¹ Сурат И. Вчерашнее солнце. О Пушкине и пушкинистах. М., 2009. С. 234-235.

² Greenleaf, Monica. “Pushkin and Romantic Fashion, Fragment, Elegy. Orient, Irony”. Stanford University Press, Stanford, California, 1994: 152.

с образом орла намекает на то, что Данте – это поэт, не менее выдающийся, чем Гомер. Таким образом, вышеуказанный пассаж свидетельствует о пристальном внимании Пушкина к вертикальной структуре кавказского пейзажа, а также интерес к образу орла. – Все это характерные черты, присущие дантовской «Комедии».

Вернемся к рассмотрению стихотворения «Монастырь на Казбеке». Основываясь на вышеуказанных примерах, можно сказать, что в стихотворении возникает сочетание и противопоставление высоких и низких мест, и в этом вертикальном мотиве присутствует идея дантовской иерархии «Рая» и «Ада». В стихотворении «Монастырь на Казбеке» изображен иерархический мир: «Рай» – это «монастырь, сияющий солнечными лучами, на вершине горы», и берег по соседству с Богом, а «Ад» – мрачное и узкое ущелье на глубоком дне земли, куда редко проникают солнечные лучи, напоминающее тюрьму. Одновременно Пушкин вводит в картину «Монастыря на Казбеке» и горизонтальное измерение – плавание Ноева ковчега и его прибытие к Арарату. Таким образом, в стихотворении вертикальное восхождение и движение по горизонтали, как бы морское плавание в небе, сходятся в одном и том же месте назначения – это священный монастырь, находящийся на вершине горы. Как показано в одном из пассажей из «Путешествия в Арзрум», Пушкин определяет это место как «вершина с надеждой обновления и жизни» и как «символы казни и примирения». Эта оптимистическая концепция совпадает с душевным покоем, показанным в эпилоге к «Медному всаднику», где на фоне мирного пейзажа после наводнения изображен рыбак, причаливший к острову, его трапеза. Причал лодки у берега рождает такое же чувство спокойствия от достижения цели, как и прибытие Ноева ковчега к Арарату. Кроме того, в эпилоге герою-мятежнику посвящается таинственная молитва, и тем самым ему дается успокоение, что подразумевает примирение противоположных сил. Можно предположить, что во время путешествия на Кавказ у Пушкина уже созрел план использовать в финале будущего произведения достижение берега после библейского потопа в качестве благополучной развязки.

5. Реминисценции «Водопада» и «Медного всадника» в стихотворении «Обвал»

Мы рассмотрим слуховые переключки «Обвала» с «Водопадом» и сюжетные переключки с «Медным всадником». Процитируем «Обвал»:

“Дробясь о мрачные скалы, / Шумят и пенятся валы, / И надо мной кричат орлы, / И ропщет бор, / И блещут средь волнистой мглы / Вершины гор.

Оттоль сорвался раз обвал, / И с тяжким грохотом упал, / И всю тесницу между скал / Загородил, / И Терека могущий вал / Остановил.

Вдруг, истощась и присмирив, / О Терек, ты прервал свой рев; / Но задних волн упорный гнев / Прошиб снега... / Ты затопил, осwirепев, / Свои берега.

И долго прорванный обвал / Неталой грудой лежал, / И Терек злой под ним бежал. / И пылью вод / И шумной пеной орошал / Ледяный свод.

И путь по нем широкий шел: / И конь скакал, и влекся вол, / И своего верблюда вел / Степной купец, / Где ныне мчится лишь Эол, / Небес жилец” (Ш-1, 197-198).

Благой отмечает, что в «Кавказе» дан зримый образ Кавказа, а в «Обвале» – дан его звуковой «портрет» (Благой 1967: 371). Долинин рассматривает творческую историю «Обвала» с точки зрения связи с шотландским стихотворчеством¹. На наш взгляд, эффектная звуковая организация «Обвала» прежде всего связана с «Водопадом». Подобно «Водопаду», в описаниях лавины и водных потоков используется лексика, призванная создать звукоизобразительный эффект. Как и в «Водопаде», в «Медном всаднике» с начала до конца проводится тема воды, и водная стихия описана многократно и в разных видах. В «Обвале», тематически связано с образом водной стихии, как и в «Водопаде», Пушкин тщательно разрабатывает технику звуковых эффектов в державинском духе.

Л. Пумпянский отмечает, что Пушкин мастерски творит в «Медном всаднике» фонетическое созвучие со строками из «Водопада»². В изображении погоны за Евгением Медного всадника – “как будто грома грохотанье / Тяжело-звонкое скаканье / По потрясенной мостовой”(V, 148) – исследователь видит созвучие с громоподобным акустическим языком Державина: “Грохочет эхо по горам, / Как гром гремящий по громам” из 29-й строфы «Водопада». На основании мнения Пумпянского о фонетическом созвучии между поэмой Пушкина и одой Державина мы можем заключить, что ко времени поездки на Кавказ у Пушкина

¹ Пушкинская энциклопедия. Произведения. СПб., 2017. Вып. 3 : 501-502.

² Пумпянский Л. В. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Классическая традиция. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 188-189.

уже имеется план введения фонетического созвучия с державинской поэзией в свое будущее произведение.

Обратимся к вопросу о сходствах между «Обвалом» и «Медным всадником». У «Обвала» есть лаконичный сюжет: суть этой истории в том, что происходит сход снежной лавины, после этого события наступает сцена умиротворения, наконец дует Эол в небесах. Парящие орлы и Эол – небесные жилища, обитающие близко к Богу.

В «Путешествии в Арзрум» есть фрагмент, в котором речь идет о горном обвале, случившемся в конце июня 1827 года. В этом фрагменте говорится, что огромная глыба засыпала ущелье на целую версту и запрудила Терек, так что Терек прорвался сквозь обвал не раньше, чем через два часа. Основываясь на этих сведениях, рассказчик пишет о событии, происходившем во время его подъема на Крестовую гору:

“Мы круто подымались выше и выше. <.....> В это время услышал я глухой грохот. «Это обвал», сказал мне Огарев. Я оглянулся и увидел в стороне груды снега, которая осыпалась и медленно съезжала с крутизны” (VIII-1, 453).

Долинин в связи с «ледяным мостом» подробно исследует современные Пушкину материалы по казбекским завалам и их последствиям, и делает вывод: эффектный образ широкого ледяного пути над Терекком, по которому передвигаются животные, имеет полуфантастический характер (Долинин 2023: 76-77). Мирный пейзаж «ледяного моста», после завершения обвала как стихийного бедствия в стихотворении «Обвал», также напоминает благополучный конец, показанный в эпилоге к «Медному всаднику». Таким образом, сюжет «Обвала» частично перекликается с сюжетной линией «Медного всадника», где в финале воцаряется спокойствие после ужасающего наводнения.

6. Заключение

Как говорилось выше, в произведениях, связанных с путешествием Пушкина на Кавказ в 1829 г., можно выделить перечисленные выше элементы, мотивы и эпизоды, которые, спустя четыре года, станут важными элементами, мотивами и эпизодами для формирования великолепного поэтического мира «Медного всадника». Пушкин намеревается реализовать в будущей поэме картину целостного мира, построенную на библейских мотивах и эпизодах, и созданную по принципу иерархического мироустройства, подобного художественному миру «Божественной Комедии». Поэт, кроме того, имеет целью ввести в этот мир аллюзии на стихи декабристов, а также реминисценции различных

классических и современных произведений, в частности, державинской поэзии. Во время путешествия Пушкин размышляет над тем, каким образом выразить и объединить все эти подтексты в своем будущем шедевре. Можно сказать, что путешествие на Кавказ в 1829 г. послужило для Пушкина отправной точкой к написанию «Медного всадника», а также предоставила поэту плодотворный опыт, полезные материалы и творческое вдохновение. Благодаря этому оказалось возможным осуществить его заветное желание, т.е. создание шедевра наравне с выдающимися произведениями мировой литературы.

Литература:

- Blagoy, D. D. "Masterstvo Pushkina: vdokhnovennyy trud. Pushkin – master kompozitsii". М.: izdatel'stvo "Sovetskii pisatel", 1955. (Благой Д. Д. Мастерство Пушкина: Вдохновенный труд. Пушкин – мастер композиции. М.: «Сов. писатель», 1955).
- Blagoy, D. D. "Tvorcheskij put' Pushkina 1826-1830". М.: izdatel'stvo "Sovetskij pisatel", 1967. (Благой Д. Д. Творческий путь Пушкина 1826-1830. М.: Изд. Советский писатель, 1967).
- Chicherin, A. "O stile pushkinskoj liriki" // "V mire Pushkina. Sbornik statej". М.: izdatel'stvo "Sovetskij pisatel", 1974: 302-335. (Чичерин А. О стиле пушкинской лирики // В мире Пушкина. Сборник статей. М.: Изд. «Советский писатель», 1974. С. 302-335).
- Gasparov, B. M. "Funktsii reminisentsii iz Dante v poezii Pushkina. (Stat'ya pervaya)". XIV-IV. 15 November 1983. Special Issue. Russian Romanticism II Pushkin: 317-349. Amsterdam. (Гаспаров Б. М. Функции реминисценции из Данте в поэзии Пушкина. Статья первая).
- Gasparov, B. M. "Poeticheskij yazyk Pushkina kak fakt istorii russkogo literaturnogo yazyka". SPb.: Akademicheskij proekt, 1999. (Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. СПб.: Академический проект, 1999).
- Gusev, B. "Pushkin i nekotorye sovremennye problemy teorii stilya" // "V mire Pushkina. Sbornik stat'ej". М.: izdatel'stvo "Sovetskij pisatel", 1974, 545-572. (Гусев Б. Пушкин и некоторые современные проблемы теории стиля // В мире Пушкина. Сборник статей. М.: Изд. «Советский писатель», 1974. С. 545-572.)
- Grigor'eva, A. D., Ivanova N. N. "Yazyk liriki XIX veka. Pushkin. Nekrasov". AN SSSR. М.: izdatel'stvo "Nauk", 1981. (Григорьева А. Д., Иванова Н. Н. Язык лирики XIX в. Пушкин. Некрасов. АН СССР. М.: Изд. «Наука», 1981).
- Dolinin, Aleksander. "Puteshestvie po «Puteshestviyu v Arzrum»". М.: Novoe izdatel'stvo, 2023. (Долинин А. Путешествие по «Путешествию в Арзрум». М.: Новое издательство, 2023).
- Pushkin, A. S. Polnoe Sobranye Sochinenij / М.:L.: izd. AN SSSR, 1937-1959. (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.: Л., Изд. АН СССР, 1937-1959).
- Pushkinskaia entsiklopediya. RAN. Vyp. 2, Vyp. 3. SPb.: Nestor-Istoriia, 2012, 2017. (Пушкинская энциклопедия. РАН. Вып. 2, 3. СПб.: Нестор-История. 2012, 2017.)

- Sugino, Yuri. "Apokalipticheskie motivy v poeme A. S. Pushkina «Mednyj vsadnik»" // "...On vidit Novgorod velikoj...". Materialy VII Mezhdunarodnoj pushkinskoj konferentsii "Pushkin i mirovaya kul'tura". SPb.: IRLI RAN, Velikij Novgorod, 2004: 325-330. (Сугино Ю. Апокалиптические мотивы в поэме А. С. Пушкина «Медный всадник» // "...Он видит Новгород великой...". Материалы VII Международной пушкинской конференции «Пушкин и мировая культура». СПб.: ИРЛИ РАН, Великий Новгород, 2004. С. 325-330).
- Sugino, Yuri. "Otzvuki dekabristkoj poezii v poeme «Mednyj vsadnik»". Boldinskie chteniya 2005: 214-224. N. Novgorod, 2005. (Сугино Ю. Отзвуки декабристской поэзии в поэме «Медный всадник». // Болдинские чтения 2005. Н. Новгород, 2005. С. 214-224).
- Sugino, Yuri. "Proektsii XVIII-go veka v poeme «Mednyj vsadnik»". // "Pushkin i mirovaya kul'tura". Materialy VIII Mezhdunarodnoj pushkinskoj konferentsii. SPb., Arzamas, Bol'shoe Boldino, 2008: 126-137. (Сугино Ю. Проекция XVIII-го века в поэме «Медный Всадник». // «Пушкин и мировая культура. Материалы восьмой Международной пушкинской конференции». СПб, Арзамас, Большое Болдино, 2008. С. 126-137).
- Sugino, Yuri. "Poema A. S. Pushkina «Mednyj vsadnik» i «Bozhestvennaya komediya» Dante: opyt sopostavleniya dvukh kartin mira". Boldinskie chteniya 2016: 90-100. Bol'shoe Boldino and Lobachevsky Univ., 2016. (Сугино Ю. Поэма А. С. Пушкина «Медный всадник» и «Божественная комедия» Данте: опыт сопоставления двух картин мира. // Болдинские чтения 2016. Большое Болдино и Арзамасский филиал ННГУ, 2016. С. 90-100).
- Sugino, Yuri. "«Mednyj vsadnik» Pushkina i «Bozhestvennaya komediya» Dante: obraz orla i ego otsutstvie kak minus-priem". // "Pushkin i drugie. Dvadsat' let spustya": 194-207. SPb.: Pal'mira, 2017. (Сугино Ю. «Медный всадник» Пушкина и «Божественная комедия» Данте: образ орла и его отсутствие как минус-прием. // «Пушкин и другие. Двадцать лет спустя». СПб.: Пальмира, 2017. С. 194-207).
- Sugino, Yuri. "Reministsentsii stikhotvoreniy G. R. Derzhavina i A. N. Radishcheva v poeme A. S. Pushkina «Mednyj vsadnik»". Slavica Kiotoensia vol. 2 (2022): 1-19. (Сугино Ю. «Реминисценции стихотворений Г. Р. Державина и А. Н. Радищева в поэме А. С. Пушкина «Медный всадник»". Slavica Kiotoensia vol. 2 (2022). С. 1-19).

Yuri Sugino
(Japan)

A Comparative Study of Pushkin's 1829 Caucasus Travel Writings and "The Bronze Horseman"

Summary

Keywords: "A Journey to Arzrum during the 1829 Campaign," Bible, "The Bronze Horseman," Derzhavin's "Waterfall," "The Divine Comedy"

This study provides a comparative analysis of the works themed around Pushkin's journey to the Caucasus from June to late September in 1829 and his epic poem "The Bronze Horseman". During this time, he met with Decembrists in exile and later produced works inspired by the impressions of his travel. Following his journey, he composed lyrical poems and poetic fragments depicting the region's landscapes during the first Boldino Autumn of 1830, collectively known as "The Caucasus Series." In 1835, Pushkin published a travelogue titled "A Journey to Arzrum during the 1829 Campaign". A study of this travelogue is crucial to understanding the development of the "Series" as it provides essential background information.

The poems in the "Series" incorporate motifs and episodes from the "Book of Genesis in the Bible," as well as motifs and structural elements from "The Divine Comedy." The "Series" not only contains allusions to the poems of the Decembrists but also echoes of Derzhavin's "Waterfall." These intertextual elements drawn from the Bible and various literary works parallel the elements, motifs, and structure found in the poetic world of "The Bronze Horseman", a masterpiece Pushkin completed four years later. A comparative analysis of the above-mentioned works and "The Bronze Horseman" reveals that Pushkin's journey to the Caucasus in 1829 constituted a crucial preparatory phase for the creation of his future masterpiece.

I conduct a comparative analysis focusing on several key aspects. First, I examine the poem "The Caucasus," wherein the panoramic mountain landscape is reminiscent of the cosmic unity portrayed in "The Divine Comedy." As in Dante's classic, the symbolic appearances of the "eagle" and the "beast" represent the hierarchical realms of Heaven and Hell. Further, I show that in the poem "The Monastery on Kazbek" the story of the Flood and Noah's Ark is referenced. A vertical contrast between the monastery on the top of the mountain and the dark, narrow, prison-like

gorges, is employed to suggest the hierarchy of the heavenly and infernal realms. Such a hierarchy is also evident in the poetic fragments of “Behold, a Gorge of Dark Rocks” and “It is Terrifying and Tedious.” Finally, I argue that in composing the poem “Avalanche.” Pushkin deliberately employs the acoustic effects, drawing inspiration from Derzhavin’s “Waterfall.” The simple plot of “Avalanche” also parallels that of “The Bronze Horseman” in which peace and reconciliation follow the destruction of order. As stated above, a comparative study of the numerous works born out of Pushkin’s journey to the Caucasus in 1829 and “The Bronze Horseman” contributes to clarifying the complex intertextuality and the structure of the poet’s masterpiece.

იური სუგინო
(იაპონია)

ა. ს. პუშკინის 1829 წლის კავკასიური მოგზაურობის
პერიოდის ტექსტებისა და „ბრინჯაოს მხედრის“
შედარებითი ანალიზი

რეზიუმე

საკვანძო სიტყვები: „მოგზაურობა არზრუმში 1829 წლის კომპანიის განმავლობაში“, ბიბლია, „ბრინჯაოს მხედარი“, დერჟავნის „ჩანჩქერი“, „ღვთაებრივი კომედია“.

წინამდებარე კვლევა წარმოადგენს პუშკინის 1829 წლის ივნისიდან სექტემბრის ბოლომდე კავკასიაში მოგზაურობისადმი მიძღვნილი ნაწარმოებებისა და მისი ეპიკური პოემის – „ბრინჯაოს მხედრის“ შედარებით ანალიზს. ამ დროს იგი შეხვდა გადასახლებაში მყოფ დეკაბრისტებს და მოგვიანებით შექმნა ნაწარმოებები, რომლებიც შთაგონებულია მისი მოგზაურობის შთაბეჭდილებებით, რომელთა საფუძველზე, პოეტმა დაწერა „კავკასიის სერიის“ სახელით ცნობილი მთელი რიგი ლირიკული ლექსებისა და პოეტური ფრაგმენტებისა, რომლებიც ასახავს რეგიონის პეიზაჟებს 1830 წლის, ბოლდინოს პირველი შემოდგომის პეიოდში. 1835 წელს კი პუშკინმა გამოაქვეყნა მოგზაურობის დღიური, სახელწოდებით „მოგზაურობა არზრუმში 1829 წლის კომპანიის დროს“. ამ მოგზაურობის დღიურის შესწავლა გადამწყვეტია „სერიის“ განვითარების გასაგებად, რადგან ის გვაწვდის აუცილებელ ფონურ ინფორმაციას.

„სერიის“ ლექსები მოიცავს მოტივებსა და ეპიზოდებს „ბიბლიის დაბადების წიგნიდან“, ასევე მოტივებსა და სტრუქტურულ ელემენტებს „ღვთაებრივი კომედიიდან“. „სერია“ არა მხოლოდ შეიცავს დეკაბრისტების ლექსებზე მინიშნებებს, არამედ დერჟავინის „ჩანჩქერის“ გამოძახილსაც. ბიბლიიდან და სხვადასხვა ლიტერატურული ნაწარმოებებიდან აღებული ეს ინტერტექსტუალური ელემენტები პარალელურია პოეტის მიერ ოთხი წლის შემდეგ დასრულებული პოემის, „ბრინჯაოს მხედრის“ პოეტურ სამყაროში არსებულ ელემენტებთან, მოტივებთან და სტრუქტურასთან. ზემოხსენებული ნაწარმოებებისა და „ბრინჯაოს მხედრის“ შედარებითი ანალიზი ავლენს, რომ პუშკინის 1829 წელს კავკასიაში მოგზაურობა მისი მომავალი შედევრის შექმნისთვის გადამწყვეტ მოსამზადებელ ფაზას წარმოადგენდა.

წინამდებარე წერილის ავტორი მიმართავს შედარებით ანალიზს, რომელიც რამდენიმე ძირითად ასპექტზეა ფოკუსირებული. პირველ რიგში, განიხილავს პოემას „კავკასია“, რომელშიც პანორამული მთის ლანდშაფტი მოგვაგონებს „ღვთაებრივ კომედიაში“ ასახულ კოსმიურ ერთიანობას. როგორც დანტეს კლასიკაში, „არწივისა“ და „მხეცის“ სიმბოლური გამოჩენები წარმოადგენს სამოთხისა და ჯოჯოხეთის იერარქიულ სფეროებს. გარდა ამისა, ნაჩვენებია რომ პოემაში „მონასტერი ყაზბეგზე“ მოხსენიებულია წარღვნისა და ნოეს კიდობნის ისტორია. მთის წვერზე მდებარე მონასტერსა და ბნელ, ვიწრო, ციხის მსგავს ხეობებს შორის ვერტიკალური კონტრასტი გამოიყენება ზეციური და ჯოჯოხეთური სფეროების იერარქიის მისანიშნებად. ასეთი იერარქია ასევე აშკარაა პოეტურ ფრაგმენტებში „აჰა, ბნელი კლდეების ხეობა“ და „საშინელი და დამღლელია“. და ბოლოს, მკვლევრის მტკიცებით, პოემის „ზვავის“ შექმნისას, პუშკინი განზრახ იყენებს აკუსტიკურ ეფექტებს რადგან, შთაგონებულია დერჟავინის „ჩანჩქერით“. „ზვავის“ მარტივი სიუჟეტი ასევე პარალელურია „ბრინჯაოს მხედრის“ სიუჟეტთან, რომელშიც მშვიდობა და შერიგება წესრიგის დანგრევას მოჰყვება. როგორც ზემოთ აღინიშნა, პუშკინის 1829 წელს კავკასიაში მოგზაურობისა შედეგად დაბადებული მრავალი ნაწარმოებისა და „ბრინჯაოს მხედრის“ შედარებითი ანალიზი ხელს უწყობს პოეტის შედევრის რთული ინტერტექსტუალურობისა და სტრუქტურის გარკვევას.